

ИЛЬ НАЙДЕМ ПОРУГАНЫЙ НАШ ХРАМ?

В одной из старых дворянских усадеб, ставшей музеем, я услышал однажды рассказ о старом обычае, который запомнился мне на многие годы. Как гласило предание, случалось, приезжали в ату усадьбу люди в ореоле славы, и хозяин, прощаясь с ними, предлагал им расписываться мелом на столовой скатерти, а после поручал домочадцам вышивать автографы шелковой нитью на память потомкам.

Вот и Камчатку поэты сравнивают со «скатертью-самобранкой», тем самым намекая на ее богатства и созвучие ее названия со словом «камчатый», означающим цветную шелковую узорчатую ткань. И кто только не стремился побывать в этом экзотическом краю! А побывав, как бы расписывался на «литературной карте-скатерти» Камчатки, оставляя на память то стихотворение, то документальное свидетельство, то рассказ, а то и повесть...

В этом калейдоскопе имен Василий Песков, написавший о полуострове цикл очерков «Край света», запомнился не только своим уникальным синтезом слова и фотографии, не только своим умением затронуть такие темы, которые, казалось, были у всех на устах, а дались только его перу, но и большой собранностью в работе, примерным трудолюбием и даже «литературной оперативностью». И еще он вызвал в среде камчатских журналистов желание идти: одним путем и оставил после себя ученика - Михаила Жилина. Но вот недавно оба литература решили выступить под одной обложкой, заручившись поддержкой частного предприятия «Пурга». Их книга «Русский след» (М., 1994) — о дальневосточной героике.

На крутых поворотах истории (как в начале, так и в конце XX века) продвижение русских на восток было модно истолковывать как имперскую затею. Однако расширение государства россос «по принципу» пружины, сжатой татаро-монгольским нашествием и начавшей распрямляться по мере того, как слабели силы кочевников, во многом происходило спонтанным и мирным путем, посредством миграции населения «в поисках счастья» в неведомые края, и только затем завершалось насаждением администрации. Недаром, уловив это, Максимилиан Волошин в стихотворении «Северо-восток» смог создать емкий поэтический образ России: «Сотни лет навстречу всем ветрам Мы идем по ледяным пустыням — Не дойдем и в снежной вьюге сгинем Иль найдем поруганный наш храм...»

Читая книгу Василия Пескова и Михаила Жилина, прежде всего с удовлетворением отмечаешь их интерес к глубинным процессам народной жизни, их патриотизм и одновременно документализм повествования, их горячее желание показать в наши дни маловерия, насколько хотя и непроста и неоднозначна, но все-таки романтична и богата героикой история нашего многонационального Отечества.

Где же действуют герои документального повествования?.. Пояснение на титульном листе книги дает ответ на этот вопрос: Охотоморье, Камчатка, Командорские острова, Аляска, Алеутские острова.

Мы видим, как землепроходцы, перевалив через Урал, дошли до Великого, или Тихого, океана. Пора бы поутихнуть, поумериться их удалой силе. Но нет! Они идут и плывут дальше, расширяя страну до пределов Некогого «американо-евроазиатского континента». (Помните Гоголя: «Русь, куда ж несешься ты?.. Не дает ответа»... Эти слова справедливо воспринимались как вопрос, обращенный к ее будущему. Но они, может быть, не так бы западали в душу, если бы волны русского землепроходчества не захватывали в «гоголевские времена» уже Калифорнию.)

По-разному складываются судьбы героев шестнадцати очерков, но чаще всего драматически. Возможен был и счастливый удел, — в том случае, если бы они руководствовались эгоистическими расчетами.

Вот увлеченный страстью первопроходчества Кузьма Соколов хвастается в кругу друзей, что сумеет провести корабль с материка на Камчатку. А поутру его вынуждают держать слово и вывести угловое суденышко на просторы сурового Охотского моря. Соколов выполняет жесткий приказ, не потеряв ни одного человека, и неожиданно умирает по пути в Якутск, не получив за свой подвиг никакой награды.

Вот судьба трудолюбивого студента Степана Крашенинникова. Его послали на Камчатку для некоторых хозяйственных и научных приготовлений, но поскольку профессора, при которых он состоял, до полуострова не доехали, то, рискуя жизнью, собрал все нужное к сочинению истории края. А затем, вернувшись в Санкт-Петербург, до самой смерти работал над «Описанием земли Камчатки» и умер в тот самый день, когда был отпечатан (прошел корректуру?) последний лист его книги.

Вот Дмитрий Максудов — командир батареи, во время обороны Петропавловского порта отразивший один из главных ударов соединенной эскадры англо-французов. Много часов продолжался бой, но артиллеристы не дрогнули и не допустили противника в гавань. А в годы, когда Максудов стал правителем Русской Америки, ему выпало на долю быть свидетелем официальной передачи Аляски Соединенным Штатам.

Среди русских первопроходцев мы видим и датчанина Витуса Беринга (в кругу друзей — Иван Иванович), и немца Георга Стеллера. Да, да, в XVIII веке стремились не из России, как теперь, а в Россию, чтобы прославить свое имя. На безлюдном острове, полусасыпанный песком, гибнет Витус Беринг. В Сибири, на обратном пути в Санкт-Петербург, умирает Георг Стеллер...

Более счастливой оказалась участь Лаврентия Загоскина. Он сам нашел для себя «белое пятно» на географической карте Аляски, в начале XIX века только «оконтуренной»: по береговой линии устремился с группой храбрецов к цели и по итогам отчаянной экспедиции написал свою книгу «Пешеходная опись». А затем, вернувшись на родину, прожил долгую жизнь, увлекшись садоводством. Соседями его были Мичурины. Не благодаря ли влиянию «покорителя» Аляски Ваня Мичурин стал в дальнейшем садоводом с мировым именем?

Несомненно, заслуживают высокой оценки работа авторов над изучением документального материала и их посещение тех мест в Русской Америке, где разворачивались и продолжают

развертываться описываемые события. Насколько кропотлив их поиск, говорит хотя бы статья о топониме «Камчатка». Уже не одно столетие ломают головы над его расшифровкой ученые, но авторы (в данном случае Михаил Жилин) дали обстоятельный обзор всех точек зрения и, в общем-то, пришли, на наш взгляд, к верному выводу о том, что над именем полуострова поработала сама жизнь, поработали многие люди и разные языки.

Читая книгу «Русский след», все же ловишь себя порою на мысли, что ее сюжеты достойны более пространныго, а иногда и по-иному акцентированного изложения.

Думается, что и рассказ о продаже Аляски можно было переакцентировать, с учетом особенностей нашего времени. Скрупулезный анализ на тему, прав или не прав был царь, уступая США Русскую Америку, и «запоздалое оправдание» этого решения «объективными обстоятельствами», уместные в другие, более спокойные дни, сегодня, хотим мы этого или не хотим, в угоду тем настроениям, в заложниках у которых находятся Курильские острова.

Давно пора уяснить: русский народный менталитет на протяжении веков был таким — страной торговать нельзя.

К сожалению, далее в рецензируемых очерках не состоялся привычный для авторов синтез слова и фотографии. Он удорожил бы издание в наше меркантильное время. А сама книга, в мягкой обложке и непрошита, рассыпалась у меня после первого чтения, напомнив мне про скромные брошюры Константина Симонова «Дни и ночи» и Михаила Шолохова «Наука ненависти», которые вышли в военные годы и сохранились с детства в моей библиотеке.

Что ж, на Руси снова смутное время, снова гремят взрывы и лязгают гусеницы танков. И все же, отметив частные издержки книги, следует оценивать ее не с точки зрения глянца и красок, а со стороны конечного смысла работы авторов — мастеров жанра очерка, которые проявили немалую творческую смелость, затронув чувства российского патриотизма и гордости, оказавшиеся вдруг не востребованными.

Журнал «Дальний Восток», 1997 г.